

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.13>

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕРТ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА

Научная статья

Бабенко И.А.^{1,*}, Багдасарова Г.А.², Носонова Н.Г.³

¹ ORCID : 0000-0001-7380-5561;

^{1,2,3} Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (irinababenko17488[at]yandex.ru)

Аннотация

Проблема интерпретации черт русского национального характера является одной из ключевых в творчестве И.А. Бунина. В результате ее осмысления сформировалась авторская концепция, своего рода идеальный образ русского человека. В работе проанализированы такие произведения, как «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», «Великий дурман», «Лирник Родион», «Сказки». Бунинские герои, транслирующие этот образ, всегда связаны с древним прошлым, со сказочной традицией. Также они, как правило, являются странниками и сказителями, что является развитием тенденций восприятия национального характера, заложенных в литературе XIX века. Деструктивное же начало в русском национальном характере связывает И.А. Бунин, вслед за М. Горьким, с инонациональными чертами.

Ключевые слова: русский национальный характер, творчество И.А. Бунина, национальный идеал, национальное самосознание, литературная традиция.

ARTISTIC INTERPRETATION OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE WORK OF I.A. BUNIN

Research article

Babenko I.A.^{1,*}, Bagdasarova G.A.², Nosonova N.G.³

¹ ORCID : 0000-0001-7380-5561;

^{1,2,3} North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

* Corresponding author (irinababenko17488[at]yandex.ru)

Abstract

The problem of interpreting the traits of the Russian national character is one of the key in the works of Ivan Bunin. As a result of its comprehension, the author's concept, a kind of ideal image of the Russian man, was formed. The work analyses such works as "About the Fool Emelya, who Turned out to be the Smartest of All", "The Great Intoxication", "Rodion the Storyteller", "Tales". Bunin's heroes, who convey this image, are always linked to the ancient past, to the fairy-tale tradition. They are also, as a rule, wanderers and storytellers, which is a development of the tendencies in the perception of the national character established in nineteenth-century literature. I.A. Bunin, following M. Gorky, associates the destructive element in the Russian national character with foreign traits.

Keywords: Russian national character, Ivan Bunin's work, national ideal, national consciousness, literary tradition.

Введение

Многими исследователями (О.Н. Михайлов [9], А.А. Волков [4], Л.А. Смирнова [10] и др.) проблема определения национального характера воспринимается в качестве одной из центральных в творчестве И.А. Бунина. Глубокий интерес к этому вопросу в отечественном литературоведении возник в 90-е гг. XX в. Связано это было очевидно с тем, что в это время в связи со сложными процессами, происходившими в социально-политической и культурной сферах, чрезвычайно актуальной стала проблема национальной самоидентификации, поиска констант духовной жизни народа. Для решения этого вопроса исследователи обращались, в том числе и к художественному творчеству И.А. Бунина. Для рассмотрения воплощения темы русского национального характера в творчестве И.А. Бунина, мы обратились к таким произведениям писателя как: «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», «Великий дурман», «Лирник Родион», «Сказки» и др.

Для решения поставленной задачи мы опираемся на такие методы изучения художественного текста, как сравнительный, историко-литературный, биографический.

Основные результаты

Авторская концепция национального характера, сформированная во многом под воздействием сказочной традиции, актуализирована И.А. Буниным в сказке «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» (1921). Фольклорный сюжет транслируется автором практически без изменений, кроме отступлений и обобщений, разъясняющих его понимание смысла и цели жизни почти всякого русского человека: «Емеля был дурак, а прожил на свете так, как дай бог всякому» [2, С. 141].

По мнению И.А. Бунина, именно мечта о жизни, в которой все дается без труда, легко, чудесно, словно бы само собой составляет неотъемлемую часть национального представления об идеальной форме существования, сформировавшегося в условиях пережитых русским народом лишений: «Какая это старая русская болезнь, <...> – вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на

крылечко и перекинуть с руки на руку колечко», – пишет он в «Великом дурмане» (1919) [1, С. 12]. И.А. Бунин акцентирует внимание на такой черте национального характера, как противоречивая противоположность черт героя – деятельное ожидание чуда и лень, пассивность.

Традиционную соотнесённость русского человека с персонажами фольклорных произведений И.А. Бунин изображает и в рассказе «Сказки» (1930). Яков Демидыч, сторож сада, переносит сказочные сюжеты на себя, самоидентифицирует себя как одного из героев сказки, перенося, например, сюжетные ходы сказки «Конек-Горбунок» в собственные воспоминания и впечатления. И.А. Бунин отмечает, что это особенность национального характера сформировалась не одномоментно, не под воздействием обстоятельств, а укоренялась веками, закладывалась еще на этапе формирования первоосновы русского характера. Важно отметить, что органическая взаимосвязь национального самосознания и фольклора актуализирована И.А. Буниным и в публицистике: «Русь, Русь, блаженная, еще не прожившая своих сказочных времен Русь...» [2, С. 215].

Традиции, образы и сюжеты народной культуры являются неотъемлемой частью национального самосознания, органически укоренены в нем. Этим обусловлена тесная связь ряда бунинских героев с прошлым, в том числе тяга к странничеству и сказительству. Данная черта традиционно соотносится в науке с русским национальным характером и его воплощением в художественной литературе: «основными художественными категориями, сопрягаемыми с понятием мессионизма русского народа в отечественной литературе XIX в., были такие, как религиозно-нравственное просветление <...>, нравственная свобода, духовная взыскательность, поиск правды, беспокойство и мятежность русского духа, добровольность жертвенности, подвижничество, странничество, скитальничество» [11, С. 8].

Странниками и сказителями являются многие бунинские герои. Закономерно, что большинство из них охотно выступают в роли рассказчиков, как, например, Яков Демидыч («Божье древо»), Сверчок («Сказки»). Интересен в этом отношении Захар Воробьев, герой одноименного рассказа (1912). И.А. Бунин на протяжении всего произведения актуализирует его устремленность к прошлому, тоску по старине, отсутствие укорененности в настоящем: «Всю жизнь <...> не покидало его <...> смутное чувство одиночества: в старину, сказывают, было много таких, как он, да переводится эта порода» [3, С. 385]; «Он вообще был склонен к старине» [3, С. 386] и т.д. На уровне сюжета это подчеркивается бессмысленной смертью героя, так и не нашедшего себя в своем времени. Вся жизнь его, словно бы прожитая вполсилы, вполголоса, постепенно угасает, завершается беспробудным пьянством и трагическим финалом. Но даже на смертном одре он остается верен своему нереализованному призванию, не останавливает свой сказ, в котором уже нельзя отделить правду от вымысла: «плохо соображая, что он говорит, поминутно проваливаясь в какую-то черную пропасть, спешил, спешил досказать, как он нес старуху» [3, С. 397]. Трагическое одиночество Захара, его острое переживание несоответствия своего предназначения тому, как он прожил свою жизнь, также подчеркивается характером его взаимоотношений с другими людьми. Непонятый и непризнанный толпой, он вызывает у нее интерес, подобный тому, который появляется на ярмарочной площади, в балагане. Даже внешность Захара представлена в сравнении, схожем с эстетикой площадных зрелищ: «настолько выше, крупнее обыкновенных людей, что его можно было показывать» [3, С. 385]. Закономерный итог его жизни можно трактовать как осознание автором трагического несоответствия между идеальным представлением о русском национальном характере и невозможностью его полноценного воплощения в действительности.

Важность творческого начала в русском характере актуализирована И.А. Буниным также в рассказе «Лирник Родион» (1913). Продолжая традицию странников-сказителей, Родион путешествует на пароходе «Олег», привлекая своим умением пассажиров. И.А. Бунин подчеркивает уникальность дарования героя: «он принадлежал к тем редким людям, все существо коих – вкус, чуткость, мера». При этом сам герой не считает себя талантливым, скромность и даже самоуничижение тоже являются чертами национального характера: «Он говорил, что даже не считает себя певцом, лирником» [3, С. 446].

Родион – не простой подражатель, И.А. Бунин подчеркивает, что он был «истинным художником» [3, С. 449]. Каждый раз герой пропускает песню через свое сердце, улавливает настроение публики, входит с ней в контакт. Он чувствовал людей, их настроения, не видя ничего вокруг: «Родион сердцем знал, когда надо сказать, когда помолчать» [3, С. 449]. Настроение слушающих мгновенно улавливается им и провоцирует дальнейшее исполнение «... лира его зажужжала и запела смелее, тверже. Послышались вздохи, слабые восклицания нежности и грусти. И он еще усилил – и сквозь восточную степную меланхолию мотива ясно проступило подобие органного хорала. Он почувствовал, понял, что именно должен <...> сказывать нечто самое близкое женскому сердцу...» [3, С. 447-448]. Этот прерывистый контраст пения также связан с преимущественно женской аудиторией, описываемой в тексте как имеющая «безжалостное и жалкое» сердце. Для И.А. Бунина принципиально важно подчеркнуть природную одаренность русского человека, его естественное, даже чрезмерное, стремление к красоте, гармонии, в чем бы она не проявлялась. И это также является развитием традиционной трактовки русского национального характера, русской души, представляющей собой «единение волевого, творческого и чувственного начал» [7, С. 34].

Соединение противоположных начал в национальном характере актуализировано и в синтезе исконно русских и инонациональных черт. Так, Л.К. Долгополов в работе «На рубеже веков» (1985) приходит к выводу о том, что Россия в художественном восприятии И.А. Бунина – «полуазиатская» страна, заметное место в формировании национального самосознания которой занимает восточная цивилизация. Исследователь рассматривает то, как эта идея отражена в художественных текстах И.А. Бунина. На протяжении почти всей своей творческой деятельности писатель развивал мысль о том, что русский человек, представляет собой диалектическое единство – «западного» и «восточного», европейского и азиатского» [6, С. 113], в котором та или иная сторона постоянно перевешивает другую, определяя тем самым вектор развития характера на определенный промежуток времени. Во многом эти мысли И.А. Бунина созвучны идеям М. Горького, изложенным в брошюре «О русском крестьянстве» (1922). М. Горький настаивал на том, что на русского человека «восточный» компонент, «азиатские нравы москвитян» [5] оказывают отрицательное влияние,

проявляющееся в обесценивании своей и чужих жизней, в отсутствие «чувства своей личной значительности как наследника чудес труда и творчества предков» [5].

В поэтике И.А. Бунина «основой разрушительных инстинктов русского национального характера также являются Восток, Азия и даже Африка <...> Например, в «Деревне» Дунька Коза похожа на египтянку, а у Митрофана «дагомейские ноздри». Гервасий в «Суходоле» характеризуется как «парс», «древний ариец»» [8]. Таким образом, положительное, созидательное начало связано в понимании И.А. Бунина с исконно русским началом, инонациональность же несет разрушение органического мировосприятия. Деструктивные черты подобного рода преобладают, как правило, во второстепенных и эпизодических персонажах, что указывает на пристальное внимание автора именно к осмыслению русского национального характера в образах главных героев.

Заключение

Таким образом, проблема определения русского национального характера занимает одно из центральных мест в творчестве И.А. Бунина. Результатом художественного осмысления ее стала авторская концепция, согласно которой доминантными, созидательными чертами являются богатство природы, талантливость, самобытный артистизм, игра воображения, наивность, почти детская доверчивость. Вместе с тем писателя настораживали неразвитость сознания, спонтанность чувств, неуравновешенных устойчивыми культурными традициями, – словом, неясность, неустойчивость характера, необработанность личности. В большинстве произведений И.А. Бунина русский характер предстает как богатая, но не обработанная почва. В ней выявляются сильные ростки, но, не получая достаточного питания, вырастают они дичками либо гибнут, не успевая созреть. В русском человеке И.А. Бунин подмечал слияние самых разнородных начал в народной жизни: неудовлетворенности повседневным и примирения с нечеловеческими условиями существования; мечтательности, жажды подвигов, большой растраты сил и быстрой утомляемости, изменчивости настроения; безграничной доброты, долгого терпения одних и безмерного своеволия, деспотизма других. А в результате – непрактичность, бесхарактерность, крайний максимализм, неподготовленность к общественной и этически целеустремленной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бунин И.А. Великий дурман. Из лекции, прочитанной в 1919 г. в Одессе. / И.А. Бунин // Литературная газета. — 1991. — 9.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. / И.А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1988. — 345 с.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений в 4 томах / И.А. Бунин. — М.: Правда, 1988. — 3 т.
4. Волков А.А. Проза Ивана Бунина / А.А. Волков. — М.: Московский рабочий, 1969. — 446 с.
5. Горький М. О русском крестьянстве [Электронный ресурс] / М. Горький // royallib.com. — 1922. — URL: https://royallib.com/book/gorkiy_maksim/o_russkom_krestyanstve.html . (дата обращения: 23.05.23)
6. Долгополов Л.К. На рубеже веков / Л.К. Долгополов. — Л.: Советский писатель, 1985. — 351 с.
7. Колесов В.В. Русская душа. / В.В. Колесов // Общество. Среда. Развитие. — 2008. — 1. — с. 31-47.
8. Лазарева О.В. Проблема русского национального самосознания в прозе И. А. Бунина 1910-1920-х гг.: формы художественного выражения, эволюция : дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01 : защищена 2006-10-17 : утв. 2007-03-15 / О.В. Лазарева. — М.: 2006. — 180 с.
9. Михайлов О.Н. Жизнь Бунина: лишь слову жизнь дана... / О.Н. Михайлов — М.: Центрполиграф, 2001. — 420 с.
10. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество / Л.А. Смирнова — М.: Просвещение, 1991. — 191 с.
11. Снигирева Т.А. Русская идея как художественный феномен / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. — 104 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bunin I.A. Velikij durman. Iz lekcii, pročitannoj v 1919 g. v Odesse [Great Intoxication. From a Lecture Delivered in 1919 in Odessa]. / I.A. Bunin // Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper]. — 1991. — 9. [in Russian]
2. Bunin I.A. Sbranie sochinenii [Collected Work]: in 6 vol. / I.A. Bunin. — M.: Fiction Literature, 1988. — 345 p. [in Russian]
3. Bunin I.A. Sbranie sochinenii [Collected Works]: in 4 vol. / I.A. Bunin. — M.: Pravda, 1988. — 3 vol. [in Russian]
4. Volkov A.A. Proza Ivana Bunina [Prose by Ivan Bunin] / A.A. Volkov. — M.: Moscow Worker, 1969. — 446 p. [in Russian]
5. Gor'kij M. O russkom krest'yanstve [About the Russian Peasantry] [Electronic source] / M. Gor'kij // royallib.com. — 1922. — URL: https://royallib.com/book/gorkiy_maksim/o_russkom_krestyanstve.html . (accessed: 23.05.23) [in Russian]

6. Dolgopolov L.K. Na rubezhe vekov [At the Turn of the Century] / L.K. Dolgopolov. — L.: Soviet Writer, 1985. — 351 p. [in Russian]
7. Kolesov V.V. Russkaya dusha [Russian Soul]. / V.V. Kolesov // Obshchestvo. Sreda. Razvitie [Terra Humana]. — 2008. — 1. — p. 31-47. [in Russian]
8. Lazareva O.V. Problema russkogo natsionalnogo samosoznaniya v proze I. A. Bunina 1910-1920-kh gg.: formi khudozhestvennogo virazheniya, evolyutsiya [The Problem of Russian National Identity in the Prose of I. A. Bunin in the 1910s-1920s: Forms of Artistic Expression, Evolution]: dis...of PhD in Philology: 10.01.01 : defense of the thesis 2006-10-17 : approved 2007-03-15 / O.V. Lazareva. — M.: 2006. — 180 p. [in Russian]
9. Mixajlov O.N. Zhizn' Bunina: lish' slovu zhizn' dana... [Bunin's Life: Life is Given Only to the Word...] / O.N. Mixajlov — M.: Centrpoligraf, 2001. — 420 p. [in Russian]
10. Smirnova L.A. Ivan Alekseevich Bunin: Zhizn' i tvorchestvo [Ivan Alekseevich Bunin: Life and Work] / L.A. Smirnova — M.: Prosveshhenie, 1991. — 191 p. [in Russian]
11. Snigireva T.A. Russkaya ideya kak khudozhestvennii fenomen [Russian Idea as an Artistic Phenomenon] / T.A. Snigireva, A.V. Podchinenov. — Yekaterinburg: Publishing House of Ural University, 2001. — 104 p. [in Russian]